

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИСТПАРТ

**КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)**

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТПАРТА

ОКТЯБРЬ

№ 10

(33)

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924**

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.—СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

	<i>Стр.</i>
Петерс. — Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции.	5
Ф. Раскольников. — Октябрьская революция.	33
В. Соловьев. — В Московском Совете и районах (из пережитого).	73
Нажмуддин Самурский (Эфендиев). — Октябрьская революция и дальнейшие этапы ее развития в Дагестане.	83
Н. Бухбиндер. — Отклики Октября в еврейском рабочем движении.	105
К. Грасис. — Октябрь в Казани.	120
Обращения Казанского Ревштаба (приложение к статье К. Грасиса).	136
С. Муравейский (В. Лопухов). — „Сентябрьские события“ в Ташкенте в 1917 г.	138
И. Врачев. — Октябрьская революция в Воронеже.	162
Ф. Самойлов. — Октябрьская революция в Иваново-Вознесенске.	192

ОТДЕЛ II.—БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература об Октябрьской революции.

К. Остроухова. — 1-й обзор Истпартовской литературы об Октябрьском перевороте. (Петроград, Москва, общие исследования об Октябрьской революции.)	201
И. Колычевский. — 2-й обзор Истпартовской литературы по Октябрьской революции (провинция и фронт).	213
Владиславлев. — Литература по истории Октября и гражданской войны. (Обзор работ за исключением Истпартовских изданий).	240
Н. Ленцнер. — Н. Суханов. Записки о революции.	267
С. Пионтковский. — Я. Кальницкий. От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика.	270
Издания местных Истпартоделов, поступившие в Истпарт ЦК РКП за период май — август 1924 г.	272

ОТДЕЛ III.—МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ.

С. Уралов. — Страничка Октября.	274
---	-----

Вокруг Истпарта.

Отдел I. — Статьи и воспоминания.

Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции.

Трудно писать воспоминания о событиях, которые произошли 7 лет назад, тем более, если во время этих событий не делалось заметок. Может быть допущено много неточностей, особенно, если писать о таком органе, как ВЧК в 1918 году. Год этот был годом самой тяжелой борьбы, годом наглейших наступлений врага, не стеснявшегося ни в способах, ни в методах борьбы. Тем не менее я постараюсь остановиться на главных моментах работы ВЧК и изложить их так, как они остались в моей памяти.

Работу ВЧК в 1917—1918 г.г. можно разбить на следующие моменты: 1-й — организационный, период создания ВЧК и первых шагов по борьбе с врагами, 2-й — раскрытия первого крупного заговора против Советской власти (так наз. «Союза защиты родины и свободы»), 3-й — восстания левых эс-эров, 4-й — дела Локарта и 5-й — покушения на Владимира Ильича.

1. Организационный период.

ВЧК была создана следующим постановлением Совнаркома от 20 декабря 1917 г.: «Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при СНК по борьбе с контр-революцией, саботажем и утвердить ее». Задачи комиссии: 1) преследовать и ликвидировать все контр-революционные и саботажнические попытки и действия по всей России, с чьей бы стороны они ни

исходили, 2) предавать суду Революционного Трибунала всех саботажников и контр-революционеров, выработать меры борьбы с ним, 3) вести только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения. Комиссия разделяется на отделы: 1-й Информационный, 2-й Организационный — для организации борьбы с контр-революцией по всей России и 3-й отдел — Отдел борьбы. Комиссия обращает внимание на печать, саботаж, эс-эров, саботажников и стачечников. Меры — конфискации, лишения карточек, опубликование списков врагов народа и так далее.

Для проведения в жизнь этого короткого, но много значащего декрета была назначена коллегия в следующем составе: председатель — Дзержинский, члены — Петерс, Ксенофонтов, Аверин, Серго, Петерсон Карл Андреевич, Евсеев, Трифонов. Но в этом составе комиссия собралась только один раз. На следующий же день все товарищи, кроме Дзержинского, Петерса, Ксенофонтова и Евсеева, получили новые назначения, и вместо них были назначены в коллегия товарищи Фомин, Щукин, Ильин и Чернов. В таком составе коллегия начала организовывать борьбу с контр-революцией. До образования ВЧК борьбу с контр-революцией вел Питерский Военно-Революционный Комитет, который был создан питерскими рабочими еще при Керенском, но во время Октябрьской революции был пополнен 13-ю членами ВЦИК и превратился во Всероссийский Военно-Революционный Комитет. Когда же был образован нормальный аппарат пролетарской власти — Совнарком и соответствующие Наркоматы, тогда постановлением ВЦИК была назначена Ликвидационная комиссия в количестве 7 товарищей для ликвидации Военно-Революционного Комитета. Эта комиссия должна была прекратить свое существование на другой день после издания вышеупомянутого декрета Совнаркома.

Положение ВЧК было не из легких. Задачи перед ней стояли колоссальные. Правда, буржуазия еще не сорганизовалась. Широких контр-революционных заговоров еще не нащупывалось, потому что контр-революция еще не была загнана в подполье, она существовала открыто в лице «Комитета спасения родины и революции», в лице буржуазной, эс-эровско-меньшевистской печати, в лице кадетских, эс-эровских и меньшевистских лидеров, которые вели открытую агитацию против Совет-

ской власти. Но вся эта ненавидящая Советскую власть группа, начиная от черносотенцев и кончая меньшевиками, жила в ожидании; сил для активного выступления против Советской власти у них не было, и они пошли по пути дезорганизации всех мероприятий Советской власти, подрыва ее авторитета и ожидания, что эта власть падет сама собой. И с этими действиями контр-революции ВЧК пришлось, главным образом, бороться в первые дни своего создания.

Самым большим в этот период явлением для Советской власти была стачка интеллигенции — саботаж, который охватил не только Питер, но и всю страну. Бороться с этим явлением было чрезвычайно трудно. Интеллигенция получала большие суммы на поддержку саботажа и от собственной буржуазии, и от иностранных миссий. На обысках у лиц, организующих саботаж, были найдены подписные листы, на которых были десятки тысяч жертвований со стороны отдельных буржуев в пользу саботировавшей интеллигенции. Уловить лиц, стоявших во главе и организовавших саботаж, было чрезвычайно трудно, однако, ВЧК проделала немалую работу для того, чтобы дезорганизовать саботажников и заставить их пойти на уступки пролетариату.

Следующая опасность, которая в первый момент организации ВЧК чрезвычайно сильно дезорганизовала Советскую власть, подрывала ее авторитет, это — пьяные погромы. Для борьбы с пьяными погромами еще при Военно-Революционном Комитете была образована специальная комиссия во главе с тов. Бонч-Бруевичем. И мне приходилось принимать участие в борьбе с пьяными погромами. Помнится, как пьяные погромы использовались белогвардейцами в своих целях для того, чтобы дезорганизовать силы пролетарской власти. На месте, где происходили погромы, собирались колоссальные толпы народа; везде шныряли белогвардейские типы, которые шептали массам: «вот большевики призывали к равенству, говорили, что после революции все будет народное, а вас сейчас разгоняют, не дают вам пить вино, они берегут это для себя». Пьяные погромы доходили до таких размеров, что стоило немалых трудов справиться с ними.

Потом немало вреда приносил Советской власти и бандитизм, который очень часто совершался под флагом анархизма. В Пи-

тере ¹⁾ бандитизм был чрезвычайно распространен после Октябрьской революции и доходил до того, что опасно было вечером выйти на улицу. Тысячи и десятки тысяч солдат с фронта, приехавшие в Питер, очутились в безвыходном положении, всех накормить Советская власть была не в состоянии, и пошли грабежи. Начали с буржуев, а потом грабили кого попало. В Москве положение с бандитизмом было еще серьезнее. Я помню, по приезде ВЧК в Москву здесь существовали две власти: с одной стороны, Московский Совет, а с другой — Штаб черной гвардии в помещении быв. Купеческого Клуба на М. Дмитровке. Этот Штаб черной гвардии действовал и распоряжался как власть, устраивал на улицах облавы, отбирал оружие и ценности, захватывал буржуазные особняки, забирал ценности, а буржуазное тряпье раздавал направо и налево населению. Таким путем бандиты, сами приобретя ценности (серебро, золотые вещи и др.), еще завоевали симпатию обывателя, который не мог понять, чем большевистское общенародное равенство отличается от «анархического» разделения имущества. Приведу курьезный пример: анархисты захватили в большом количестве опиум и решили этот опиум продавать и деньги пустить на издание анархической газеты «Черное Знамя». Опиум потом был отобран ВЧК.

По приезде в Москву, коллегия ВЧК обсудила этот вопрос и решила начать самую энергичную борьбу с налетами и бандитизмом. Тем более, что в ВЧК имелись проверенные сведения, что в этих занятых особняках под видом анархистов живут белогвардейские офицеры ²⁾, которые, выдавая себя за анархистов, дурачат рядовых солдат и организуют их для использования в борьбе с Советской властью. Но наше предложение было принято московскими властями не особенно хорошо. В Москве вообще тогда была мирная тенденция, и оружие этому штабу анархистов выдавал Московский Военный Комиссариат. Потом, при следствии выяснилось, что они получали из Военного Комиссариата винтовки, бомбы и даже пулеметы. Эта нерешительность только ухудшала положение и давала возмож-

¹⁾ Питер, Петроград, Петербург — старые названия Ленинграда.

²⁾ Это подтверждается воспоминаниями Пешехонова во втором томе белогвардейских сборников — «На чужой стороне», стр. 216. *Прим. редакции.*

ность болезни распространиться шире. Дело прошлое, сейчас можно об этом и сказать, — москвичи вообще плохо приняли ВЧК. Этому способствовали еще два факта. Первый: сейчас же после нашего приезда из Питера, наши сотрудники вошли в какую-то чайную пить чай (там же, оказалось, продавали самогон), и пьяные хулиганы-бандиты напали на наших сотрудников и убили одного из них. Бандиты были пойманы, и 7 из них — в ту же ночь расстреляны. Второй: наши сотрудники пошли как-то в цирк, там клоун Бим-Бом пробирал Советскую власть. Сотрудники, недолго думая, решили его арестовать, и арестовать на сцене. С этим решением они двинулись к Бим-Бому. Когда они подошли и объявили его арестованным, публика сначала думала, что это так получается в представлении Бим-Бомы. Сам Бим-Бом в недоумении открыл рот, но увидя, что дело серьезное, бросился бежать. Сотрудники открыли стрельбу. Поднялась паника, и ВЧК долго припоминали эти два факта.

Но уже 13 апреля почва для решительной борьбы с черной гвардией была подготовлена до такой степени, что решили приступить к ее ликвидации. Были мобилизованы все силы, назначен специальный оперативный штаб. Поставили на грузовик небольшое орудие, и для начала борьбы наметили главные особняки черной гвардии. Оказалось, что силы черной гвардии были чрезвычайно преувеличены, т.-е. они были преувеличены не в смысле количества, но в отношении качества. Самый Штаб черной гвардии на М. Дмитровке оказал кое-какое сопротивление, но после нескольких выстрелов из маленького орудия анархисты бежали. Остальные особняки сдавались без выстрелов или после нескольких выстрелов. Словом, в течение одной ночи власть черной гвардии в Москве была ликвидирована, около 400 человек арестовано. Коллегия ВЧК постановила в течение 2—3 дней разобраться в этих делах, назначив для этого специальную тройку. Следствие по делу «анархистов» показало, что действительно настоящих анархистов в этой организации состояло несколько человек, но громаднейшее большинство были люди, которые хотели жить просто без всякого дела, при помощи налетов, не представлявших в это время большой опасности, и делить буржуазное добро. А часть из захваченных оказались офицерами и белогвардейским элементом.

Контр-революционных организаций, как я уже говорил в самом начале, как таковых, в то время не наблюдалось. Были отдельные вербовочные пункты, которые вербовали силы для Алексеевской армии и посылали их на юг. По линии расправы в этот период в ВЧК была масса курьезов. Достаточно вспомнить, что коллегия ВЧК не расстреляла Пуришкевича и известного провокатора Шнеура, не говоря о других более мелких фигурах. Не было еще того опыта, который приобрелся через несколько месяцев работы.

Чрезвычайно скверно обстояло дело с организацией аппарата. Это дело было в тяжелом положении и во всех организовавшихся наркоматах, но там все-таки, несмотря на саботаж интеллигенции, кое-кто оставался, кое-кто давал кое-какую помощь наркомам, в то время как в ВЧК нужно было железной метлой вымести все, что имело хоть малейшее отношение к бывшей царской охранке или охранке Керенского. Когда мы перешли из Смольного в помещение бывш. градоначальства на Гороховой, 2, то весь аппарат ВЧК состоял из нескольких лиц; канцелярия находилась в портфеле Дзержинского, а вся касса, сперва 1.000 руб., а потом 10.000 руб., которые были получены для организации ВЧК, у меня, как казначея, в ящике стола. С организацией аппарата, повторяю, обстояло чрезвычайно скверно. Только что совершилась революция, только что пролетариат сверг буржуазную власть. Специальные охранники, которые воевали с пролетариатом, делали обыски, высылали в Сибирь, гноили в тюрьмах, посылали на виселицы, — все это оставалось свежим в памяти у каждого коммуниста. А тут организовалась новая власть — власть рабочих и крестьян, и снова обыски, аресты, расправа.

Многим не были ясны и разница между репрессиями в прошлом и настоящем и тяжести, стоящие перед революцией. Многие не понимали, что октябрьские дни не разрешили вопроса классовой борьбы, что это только начало, что враг не дремлет, что он притаился, набираясь сил, и что борьба предстоит с ним не на жизнь, а на смерть, поэтому нет времени для сентиментальных мечтаний, надо добить врага. Не понимали, что положение чрезвычайно тяжелое — голод, страна разорена — и что пролетариат и трудящиеся в целом не сразу поймут революцию до конца. Все эти обстоятельства настраивали многих так сентиментально,

что они неохотно шли в органы ВЧК, неохотно хотели идти на обыски и аресты, вести следствия, и нужна была полоса длительной борьбы и поражений, чтобы каждому революционеру стало ясно, что революция не делается в шелковых перчатках, что там, где есть война — есть жертвы, что другого выхода нет. И уже летом 1918 года, когда мне приходилось в Московском Совете делать доклад о раскрытом эс-эровском и меньшевистском заговоре и передавать содержание материалов, найденных на обыске, меньшевики, которые тогда еще входили в Московский Совет, кричали на меня: «Охранник!». Я заявил, что горжусь быть охранником власти трудящихся. Меньшевики подняли невероятный вой, а рабочие как партийные, так и беспартийные покрыли мое заявление громовыми аплодисментами. Пролетариат понял роль органа охраны власти трудящихся.

Аппарат ВЧК рос медленно, но в него входили самые лучшие и преданные делу товарищи; правда, было много грязного элемента, который старался примазываться к органам ВЧК (достаточно вспомнить о таких типах, как известный Ржевский), но ВЧК гнала их и, если они попадались, скрывая свое прошлое, расправлялась с ними беспощадно. Когда ВЧК эвакуировалась в Москву, то она имела около 120 сотрудников.

2. Раскрытие первого крупного заговора против Советской власти.

В конце апреля и в начале мая 1918 г. в ВЧК стало известно, что в Москве существует крупная контр-революционная организация, но напасть на след этой организации было чрезвычайно трудно. По некоторым отдельным делам нить скрывалась всегда в иностранных миссиях, но совершенно случайно в середине мая ВЧК напала на след этой организации. Пришла одна гражданка и заявила, что жених ее сестры передал по секрету сестре ¹⁾, что на днях в Москве готовится выступление и что организована большая сила против Советской власти. Он предложил ее сестре уехать в деревню, пока не

¹⁾ В «Красной книге ВЧК» тов. Лацис рассказывает об этом несколько иначе: гражданка сделала это заявление командиру латышского полка, а не ВЧК. Говорил о предстоящих событиях не жених ее сестры, а влюбленный в нее юнкер. *Прим. редакции.*

пройдет восстание, а потом вернуться в Москву. Она указала также, что этот жених, фамилия которого была Иванов, живет под видом больного в Иверской больнице и что в этой же больнице находится много офицеров под видом больных. Я помню, что мы, получив эти сведения и не имея хорошего аппарата разведчиков, придали этому сообщению настолько серьезное значение, что я и тов. Лацис отправились сами, вместе с некоторыми разведчиками, на разведку. Осмотрели Иверскую больницу и установили, что в ней действительно находится много подозрительного элемента. Мы установили наблюдение за Ивановым и выяснили, что этот Иванов встречается с очень подозрительными лицами, которые собираются в Малом Левшинском пер., и что там происходят частные собрания.

Раскрыть организацию шире никак не удалось, поэтому решили, что необходимо сделать налет на квартиру, когда там будет происходить заседание; нагрузили два грузовика красноармейцами и поехали в Левшинский пер. Квартира была известна. Мне помнится, пока красноармейцы окружили дом, я с двумя товарищами, Заковским (теперешним председателем Одесского отдела ГПУ) и еще с одним, побежали вверх по лестнице, в квартиру; мы знали условный стук, и как только нам открыли дверь, мы ворвались через переднюю в главную комнату, где в это время заседало около 20 человек, главным образом, белогвардейские офицеры. Собрание было до того изумлено нашим появлением, что не успело забрать бумаги, которые лежали на столе; мы захватили все бумаги. По разборе материалов оказалось, что мы имеем дело с серьезной организацией, мы нашли ряд схем, инструкцию для разведчиков, главные задачи организации, две явки, визитную карточку, которая была перерезана какими-то зигзагами на две части, и установили, что организация называется «Союз защиты родины и свободы». Но какую роль играли в этой организации арестованные лица, установить было никак нельзя. После долгих допросов удалось восстановить, что эта организация построена по-военному, т. е. делилась на полки, батальоны, роты, взводы и т. д. и что схемы, которые найдены, есть схемы полков. Нужно было установить начальников полков.

Наконец, удалось выяснить, что один из арестованных, по фамилии Сидоров (настоящая его фамилия была Аваев, стоял

во главе Елатомского восстания), является командиром одного полка. Он постепенно стал сознаваться и указывать на других, но его показания открывали только один полк, в то время как полков было 3 или 4, и еще существовал главный штаб, который оставался неизвестным так же, как и лица, стоявшие во главе этого штаба. Сидоров, или Аваев, заявил, что он со штабом непосредственной связи не имел, но к нему приходил некий Арнольдов, что этот Арнольдов являлся связью между полками и между главным штабом. Также удалось установить имя Арнольдова — Пинкус¹⁾ и его адрес.

Этот Арнольдов оказался моим «старым знакомым» еще по рижскому фронту во время керенщины, он был ярким противником Советской власти. Скрывать от меня свое контр-революционное настроение он не мог, ибо я вспомнил факт, который меня столкнул с ним на рижском фронте. Это было во время керенщины, когда велась чрезвычайно острая борьба по вопросу о наступлении. Я тогда работал, как член и представитель ЦК Латышской С.-Д. Партии, в латышских стрелковых полках. Эти полки были всецело большевистскими. Раз, когда 2 стрелковым полком хотели сменить казачьи части и послали его на фронт, он не дошел даже до первой позиции, отказался идти дальше и заявил, что казачьи части сменять не будет. Произошел конфликт с офицерами. Стрелки остановились на опушке леса, а офицеры — с полверсты от них в овраге, и так они стояли друг против друга. Нас вытребовали из Риги. Для улаживания этого конфликта собралось специальное совещание при тогдашнем рижском губернаторе Предкальне, и на этом совещании, как представители офицеров, были Пинкус и Рубис. Оба они попались как раз в этой организации.

Повторяю, Пинкус не имел возможности скрыть от меня свои контр-революционные убеждения. Сначала он вообще отказывался давать показания, но с первого же разговора я видел, что Пинкус чрезвычайный трус, что арест и грозящее наказание его очень пугали. Поэтому, поговорив с ним несколько часов, я убедил его сознаться и рассказать все. Иначе наше положение было бы тяжелым. Нашим основным затруднением была невоз-

¹⁾ Тов. Лацис в «Красной книге ВЧК» устанавливает, что этот заговорщик звали не «Пинкус», а «Пинка». *Прим. редакции.*

возможность дойти до главного штаба и узнать явку, в каком она городе, ибо на явке были только адрес, имя, отчество и фамилия, но в каком городе это было, не было сказано. Потом нас чрезвычайно озадачила еще визитная карточка, которая как-то странно была перерезана зигзагами наполовину. Мы не могли понять, что это значит. Пинкус и это расшифровал. Он указал, что главный штаб находится в Молочном переулке под видом какой-то лечебницы. Адрес же явки был в Казани, и там собралась большая часть организаций. По поводу самой организации он дал следующие объяснения: во главе организации стоят известный Савинков и его начальник штаба полковник Перхуров, что эта организация снабжается деньгами французами и англичанами и ставит задачей уничтожение Советской власти и войну с немцами, что она тесно связана с чехо-словацкими батальонами, которые на-днях должны выступить. Дальше он показал, что организация последнее время перебрасывает свои силы из Москвы в Казань.

Казанские явки были у нас в руках, нужно было использовать их так, чтобы войти в Казанскую организацию. Это была трудная задача. Правда, несколько дней или недель работы по раскрытию упомянутой организации дали нам колоссальный опыт и раскрыли карты врагов, тем не менее, подготовить людей, которые поехали бы в Казань и сошли бы там за «своих» белогвардейских офицеров, было трудно. Мы наметили двух товарищей: тов. Заковского и еще одного, дали им явки, при чем оказалось, что визитная карточка есть условный знак, что одна половина этой карточки посылалась лицу, к которому должно было явиться лицо, посылаемое от организации, а другую половину дали тому человеку, который должен был туда ехать. В данное время мы имели в руках вторую половину карточки, имели адрес и явку и, дав все это тов. Заковскому, направили его в Казань. Надо сказать, что тов. Заковского никак нельзя было сделать похожим на белого офицера. Сам он толстый, здоровый парень, рабочий, развитой, и повторяю, не похож на белого офицера (таких у нас не было), но, несмотря на это, тов. Заковский исполнил свою роль блестяще. Они с товарищем приехали в Казань, явились к лицу, адрес которого был указан на явке, дал карточку и пароль. После долгих мытарств их направили в главный штаб Казанской организации.

Тов. Заковский рассказывает, как они явились в штаб: они вошли вдвоем в комнату, где заседали около 20 человек, предъявили явки. Их приняли очень любезно, предложили чай и булочки, они попили чаю, но сели поближе к дверям. Сначала их вид не вызвал подозрения, к ним отнеслись с полным доверием, но скоро начали шептаться, и наши товарищи почувствовали, что к ним со стороны белогвардейцев растет недоверие. Видя, что другого выхода нет, они выхватили маузеры, скомандовали руки вверх, кое-как позвали милицию и арестовали организацию. Белые упрекали их, что вот мы вас приняли как гостей, кормили своим чаем, хлебом и булками, а вы оказались провокаторами.

Раскрыв эту организацию, тов. Заковский напал в Казани на след еще чисто монархистской Алексеевской организации, во главе которой стоял генерал Попов. При раскрытии этой организации было найдено около 500 винтовок и масса другого оружия.

Эти аресты, может быть, спасли Казань от участи Ярославля. Дальнейшее раскрытие организаций Савинкова пошло очень быстро. Пинкус стал говорить все, что только знал. Стал водить наших сотрудников, указывать им участников организации и, наконец, попросил, чтобы его освободили и он найдет Савинкова. Его освободили, обязав ежедневно являться ко мне на квартиру, и он регулярно являлся. Одно утро он мне сообщил, что он встретится с Савинковым у Большого театра, и они пойдут вместе на собрание. Мы мобилизовали все силы для того, чтобы, во-первых, выследить, где будет собрание, а во-вторых, чтобы взять собрание. Но подошел назначенный час, Пинкус не явился, прошли часа два, Пинкус все не являлся, и с тех пор мы Пинкуса не видели. Только после Ярославского восстания нам стало известно, что он принимал в нем участие, а сейчас занимает какую-то военную должность в Латвии. Эта первая контр-революционная организация дала ВЧК очень много и в смысле опыта, и в смысле борьбы с контр-революцией. Она дала все новые и новые нити и показала, что главный штаб всех контр-революционных сил находится в иностранных миссиях. Но в это время начинаются в ВЧК внутренние осложнения — разногласия с левыми эс-эрами.

3. Лево-эс-эровское восстание.

Лево-эс-эровское восстание совершалось аппаратом ВЧК: сотрудник ВЧК был убит граф Мирбах, заместителем председателя ВЧК Александровичем был подделан документ от имени Дзержинского, и отряд ВЧК выступил против Советской власти. Казалось бы, что это восстание должно было наложить чрезвычайно некрасивый оттенок на историю ВЧК, историю органа, который доказал такую стойкость, выдержанность и решительность в борьбе с врагами пролетарской власти, но на самом деле этого нельзя отнести к вине ВЧК, а нужно отнести к политике Советской власти вообще. Ведь на самом деле, когда после Брестского мира левые с.-р. уходили из всех наркоматов и остались исключительно в ВЧК, то Советская власть на это согласилась и допустила, что в момент восстания половина коллегии ВЧК была из левых эс-эров — разве это вина только ВЧК? Хотя, может быть, сейчас, при теперешнем опыте и прозорливости, ГПУ давно раскрыло бы ту фальшивую роль левых эс-эров, которую они играли после Брестского мира, с одной стороны, заявляя, что они уходят из правительства и идут в народ, чтобы восстановить крестьянские массы против Брестского мира, а с другой стороны, остались в ВЧК и старались завоевать, при помощи ряда «истерик», руководящие посты. Александрович, как зампред ВЧК, руководил всей практической работой ВЧК, под его непосредственным руководством находился отряд, он его формировал, он его снабжал.

Разногласия с левыми эс-эрами углубились у нас как раз по вопросу о расправе с белыми офицерами из «Союза защиты родины и свободы». В то время, как наши требовали, чтобы с этими офицерами, которые, состоя на службе у Советской власти были вооружены оружием пролетарской власти и получали от нее паек, расправились как с изменниками, отношение левых эс-эров к ним было совершенно непонятно. Может быть, оно понятно сейчас, после объяснения Савинкова, что левые эс-эры тоже получали деньги от французов, что при составлении плана об Ярославском восстании со стороны генерала Лаверья в этот план восстания не была включена Москва. Может быть, тогда уже французы наметили, что в общем плане восстание в Москве падет на долю левых эс-эров. Но как бы

то ни было, отношение эс-эров к арестованным белогвардейцам было не как к явным врагам. Мне помнится, что когда разбирали их дела, то мы никак не могли с эс-эрами договориться, решали и перерешали вопросы, и возникали серьезные разногласия. Мне помнится серьезный факт, которому в то время не придали того значения, какое следовало бы. Это — бегство отряда ВЧК с восточного фронта. После выступления чехо-словаков, когда против них посылались все лучшие силы, туда направился и отряд ВЧК во главе с Поповым. Но после небольшого боя этот отряд очутился в Москве. Дело об этом бегстве разбиралось в коллегии, и я помню, как Попов плакал, доказывал, что с ними, как с чекистами, скверно обращались, с ними не считались, и оправдывал себя. Только сейчас становится понятным это нежелание бороться с чехо-словаками и желание во что бы то ни стало находиться в Москве во время V С'езда Советов, когда должен был решиться вопрос, с кем большинство трудового населения, — с большевиками и с Брестским миром, или с левыми эс-эрами против Брестского мира и за новую бойню. Коллегия, рассмотрев этот вопрос, оставила отряд в Москве.

Как произошло самое восстание? 6 июля, я, ничего не зная ни о покушении на Мирбаха, ни о том, что творится в отряде ВЧК, направился в Большой театр, где происходило заседание V С'езда Советов. На этом заседании я встретил Александровича, мы зашли в буфет, выпили лимонаду, и он стал меня уговаривать поехать с ним сейчас же в отряд. Он говорил, что там есть что-то интересное и необходимо туда сейчас же поехать. Я категорически отказывался, повторяю, не зная совершенно, что происходит в отряде и не зная об убийстве Мирбаха. Когда после этого я вышел на сцену, мне передали, что Троцкий ищет по телефону меня или Ладиса. Когда я подошел к телефону, мне передали, что арестован Дзержинский, что отряд ВЧК восстал против Советской власти и что Блюмкиным, по постановлению ЦК левых эс-эров, убит Мирбах.

Тут же, взяв инициативу на себя, я пригласил всех коммунистов, членов коллегии ВЧК, немедленно пойти в ВЧК и устроить совещание фракции коллегии ВЧК. Мы все: я, тов. Ладис, Фомин, Урицкий, Поликарпов и еще кто-то, кажется, Чернов, направились в ВЧК. Придя в комнату президиума, я сейчас же позвонил в штаб наших войск и просил позвать

к телефону тов. Дзержинского. Сперва ответил кто-то из сотрудников, а потом к телефону подошел Александрович, с которым я несколько минут тому назад говорил в Большом театре. Я ему предложил немедленно позвать к телефону Дзержинского, он заявил, что Дзержинский на заседании и подойти к телефону не может. Тогда я ему заявил, что он врет, что Дзержинский не на заседании и чтобы он ему передал немедленно, что коллегия хочет с ним разговаривать. Александрович заявил, что Дзержинский арестован, что он его к телефону не пустит. Я тогда заявил Александровичу, что он ставит себя вне закона, что мы примем меры, и положил трубку.

Мы начали обсуждать, что делать. Положение было чрезвычайно трудное: весь караул, который находился в ВЧК, был из левых эс-эров и финнов из отряда Попова, которые ничего не понимали по-русски и шли всецело за своими командирами — левыми эс-эрами. Тут как раз позвонил, не помню, Троцкий, или Владимир Ильич, и сказал, чтобы Ладис остался в ВЧК, а я вместе с другими пошел в Большой театр и арестовал фракцию левых эс-эров. Мы пошли в театр, но только что явились туда, мне позвонил секретарь ВЧК, тов. Левитан, что, только мы ушли из ВЧК, пришел отряд Попова, арестовал Ладиса и увез его с собою. Мы стали совещаться с Аванесовым, Зиновьевым и др., как провести арест фракции левых эс-эров. Дело тоже было не из легких, потому что Большой театр был переполнен народом, в нем в ожидании заседания находились и большевистская фракция, и беспартийные, и гости. Наконец, мы решили пойти на хитрость. Кто-то из нас вышел на сцену, объявил, что собирается фракция большевиков и чтобы все большевики выходили из театра. При выходах же мы установили проверку документов и выпускали сначала только коммунистов. Но понятно, очень скоро эта хитрость была обнаружена эс-эрами и др., но они ничем на это не реагировали. С выходом коммунистов театр значительно опустел. Потом стали выпускать по рекомендациям, по документам. В конце концов, в театре остались левые эс-эры, интернационалисты и беспартийные. Помню, что некоторые из них очень волновались, задавали вопрос: что это значит, так как положение им было неизвестно. Помню, как тов. Крамаров прочел, не то пытался читать, лекцию о II Интернационале.

В это время мне передали, чтобы я явился в ВЧК. Не помню, кому пришла в голову эта мысль, мне самому или, вернее всего, она принадлежала покойному Я. М. Свердлову, чтобы выманить отряд Попова из здания ВЧК. Я позвонил Левитану, предложил ему нагрузить два грузовика красноармейцами из караула Попова и отправить его в Сокольнический парк, чтобы там они искали зарытое оружие. Это было сделано. После этого я передал Левитану, чтобы он сообщил по телефону в общежитие сотрудников ВЧК, чтобы они немедленно поодиночке являлись в помещение ВЧК и чтобы им тут же выдавали оружие.

Когда я явился в ВЧК, все коридоры были наполнены сотрудниками, вооруженными винтовками, и мы приступили к разоружению караула человек в 20—30, которые остались еще в ВЧК из отряда финнов. В то же время мы стали подготавливаться к сбору сил. Положение в Москве было не из отрядных. Войсковых частей вообще было мало, все лучшее было брошено против чехо-словаков, ибо мы не ожидали удара в спину со стороны левых эс-эров. Кроме того, те небольшие силы, которые остались в московском гарнизоне, почти все находились в лагерях. Между тем наступила ночь. Левые эс-эры стали распространять свои щупальцы дальше, стали захватывать машины с ответственными работниками, оставлять их у себя в качестве заложников. Кроме того, ночью захватили главный телеграф, но скоро были выбиты оттуда, успев все-таки разослать по всей стране извещение о лево-эс-эровском восстании и о призыве присоединиться к этому восстанию. Утром к Москве были уже подтянуты военные силы. Мы собрали отдельные части, которые находились вне отряда Попова — отряд Полякова, свеаборжцев, сотрудников, и началось наступление на Чистые Пруды, где сконцентрировались силы левых эс-эров. Видя безнадежность своего положения, эс-эры стали стрелять из орудия по Кремлю, по зданию Совнаркома, но скоро это было прекращено наступающими нашими силами. Метким артиллерийским огнем по самому штабу эс-эры были выгнаны и стали отступать, сперва организовано, потом как попало.

В тот же день после обеда был захвачен Александрович не то на Курском, не то на другом вокзале, когда он пытался сесть на товарный поезд и уехать из Москвы. Хотя Александрович сбрил волосы, усы и брови, все-таки наши разедчики его

моментально узнали и привели в ВЧК. Александрович был сильно взволнован. Я долго говорил с ним наедине, и он не находил слов для оправдания своего поведения что он, как заместитель председателя ВЧК обманул доверие тов. Дзержинского, пошел на заговор и организовал восстание. Его оправдания сводились к тому, что он беспрекословно только подчинился партийной дисциплине: ЦК партии левых эс-эров постановил спровоцировать войну с Германией, убить Мирбаха, а он должен был провести это постановление в жизнь, не имея права, как член партии, не подчиниться этому постановлению. Я не знаю, как Александрович себя держал в ЦК эс-эров, когда обсуждался вопрос о восстании, но у меня создалось впечатление, что он говорил искренно, что он был образцовым по дисциплине членом партии эс-эров и что его ошибка была в том, что он подчинился дисциплине этой партии тогда, когда она сделала самый глупый, предательский шаг. Он плакал, долго плакал, и мне стало тяжело, может быть, потому, что он из всех левых эс-эров оставил наилучшее впечатление. Я от него ушел. Так кончилось лево-эс-эровское восстание. Остальные вожди удрали, и вместе с этим почти окончилась история партии левых эс-эров. Не нашлось у них защитников ни в рабочем классе, ни ни в крестьянстве, ни даже в той части интеллигенции, которая пла за ними. После этой явной авантюры, лево-эс-эровская партия раздробилась по отдельным группам, а потом распалась вообще.

Это восстание пошло на оздоровление ВЧК, как боевого органа. Ввиду того, что убийство Мирбаха было совершено с подложными бумагами от имени Дзержинского, он официально был временно отстранен, как председатель ВЧК. Чтобы устранить из ВЧК левых эс-эров, Совнарком постановил распустить коллегия ВЧК, назначил меня временно председателем, поручив сформировать коллегия в течение 7 дней. Коллегия была составлена, но уже исключительно из коммунистов. Хотя Дзержинский формально был устранен, как председатель ВЧК, фактически он оставался руководителем ВЧК, и коллегия была сформирована при его непосредственном участии. Потом германская революция и крах монархии в Германии ликвидировали Брестский договор, а вместе с ним и обязательства по отношению к Германии, и дело Мирбаха.

4. Дело Локарта.

Дело Локарта совпадает одновременно с пятым моментом, т.-е. ранением Владимира Ильича и убийством тов. Урицкого. Я еще, как сегодня, помню, испуганное лицо Локарта, когда его привели в ВЧК. При аресте Локарт настолько испугался, что не предъявил даже дипломатических документов. Наверное, бедный английский дипломатический представитель думал, что его обвиняют в убийстве Владимира Ильича, и, верно, его совесть в этом была неспокойна, он чувствовал частицу участия в покушении. Растерянность Локарта продолжалась во время моего с ним разговора; не задавая ему прямого вопроса, кто он, не требуя от него документов, я успел задать ему ряд вопросов по делу и получить на них ответ, после чего он был освобожден.

Так началось дело Локарта. Я уже говорил раньше, что с ликвидацией «Союза защиты родины и свободы» в ВЧК стало известно, что главный штаб контр-революции находится в иностранных миссиях. Это мнение ВЧК подтвердилось дальше рядом фактов. Нам стало известно, что агенты иностранной миссии особенно интересуются войсковыми частями, строят планы разложения наших частей и уменьшения боеспособности сил Советской России, не останавливаются перед поджогами и взрывами складов оружия. Мне помнится, что после грандиозного пожара на одном из вокзалов, когда сгорела масса продовольственных грузов, к нам стали поступать сведения, что это — дело агентов французской миссии.

И в этот период — в середине августа — появился сотрудник английской миссии, который ищет связи с командирами латвийских стрелков. Латышские стрелковые полки в первый момент революции были почти единственными частями старой армии, которые в начале революции сохранились не разложившимися. Это объясняется рядом причин, а, по-моему, главным образом, тем, что латышским стрелковым полкам некуда было деваться (Латвия была занята немцами), в то время как русские части стремились домой, в деревню. Но как бы то ни было, эти войсковые части представляли собой боеспособную силу, и этой силой серьезно заинтересовался Локарт, заинтересовался для того, чтобы их разложить. После совещания с тов. Дзержинским и тов. Скрыпником, который уже в это время работал в ВЧК,

мы решили, что я буду заниматься этим делом и направлять работу. Для этой цели мы связались с тов. Берзиным, к которому обращался агент Локарта. Тов. Берзин стоял во главе не то артиллерийского дивизиона, не то батареи. Тов. Берзин связался с самим Локартом. Локарт назначил Берзину свидание 14 августа на частной квартире Локарта, в д. № 19 по Хлебному пер. Во время этого совещания Локарт осведомился у Берзина о настроении латышских частей и о том, можно ли рассчитывать на них при перевороте. Затем он указал, что надо работать в таком направлении, чтобы латышские стрелковые полки восстали против Советской власти и низвергли ее. Локарт неоднократно подтверждал, что за деньгами дело не станет. В числе мер воздействия на латышские стрелковые полки, с целью восстановления их против Советской власти, Локарт рекомендовал Берзину задержать выдачу продуктов, в которых в то время была сильная нужда. При прощании Локарт просил Берзина зайти к нему на следующий день вечером для того, чтобы Локарт мог познакомить его со своими французскими коллегами и агентами.

15 августа вечером Берзин вновь явился к Локарту. В это посещение Локарт познакомил Берзина с французским генералом — консулом в Москве Гренаром и своим агентом Константином, впоследствии оказавшимся лейтенантом английской службы Сиднеем Георгиевичем Рейли. Французский консул обратился к Берзину через Локарта со следующими словами: «Судя по вашему вчерашнему разговору с господином послом, вас очень интересует судьба Латвии после войны и свержения большевиков. Я директив от своего правительства не имею, но уверен, что Латвия получит самоопределение за ваше содействие, в полном смысле этого слова». Далее Гренар осведомился о численности латышских стрелковых частей в Москве и рекомендовал устроить так, чтобы их из Москвы больше не отправляли на фронт.

В вопросе о деньгах Гренар спросил, сколько надо для подкупа командиров латышских частей. Берзин ответил, что денежный вопрос его мало интересует и что в ближайшем будущем может понадобиться 4—5 миллионов. Гренар и Локарт приняли эту сумму без возражений и тут же сообщили, что Рейли принесет Берзину скоро 2 миллиона, недельки через 2—3 будут выданы и остальные, а если понадобится, они дадут еще. На

этом свидание закончилось, и в дальнейшем все переговоры тов. Берзин вел через Рейли.

Потом Локарт предложил Берзину найти своего человека, который должен был доставить в Мурман врученный Локартом через Рейли шифр, напечатанный на белом коленкоре. Вместе с шифром Рейли принес удостоверение для своего человека, подписанное Локартом для поездки в Мурман. Удостоверение, подписанное от имени английского посла, было следующего содержания:

Копия в переводе.

«Британская миссия в Москве 17 августа 1918 г.

Всем британским военным властям в России.

Предъявитель сего капитан латышских стрелков Крыш Кранкол имеет ответственное поручение в Британском Военном Штабе России. Прошу дать ему свободный проезд и помощь во всех отношениях. Локарт».

С этим удостоверением «свой человек», которого должен был найти Берзин, должен был поехать в Мурман в главную квартиру британского командования с зашифрованным письмом от Локарта.

17 августа вечером Берзин имел свидание с Константином, которое происходило в кафе «Трамбле» на Цветном бульваре. На этом свидании Константин (Рейли) посвятил Берзина в разработанный, по его словам, французским генералом план уничтожения рабоче-крестьянской власти. Согласно этому плану, два латышских полка должны были быть направлены в Вологду, где они перейдут на сторону союзников. В Москве латышские части должны арестовать Исполнительный Комитет вместе с председателем Совнаркома Лениным и тов. Троцким (в то время латышские стрелки охраняли Кремль). Одновременно с этим, они должны были захватить Государственный банк, Центральный телеграф и т. д. После этого созывались все бывшие офицеры, из которых составлялся отряд для водворения и поддержания порядка в Москве, а равно для конвоирования и арестов большевиков. Потом Рейли сообщил Берзину под большим секретом, что союзники вошли в контакт с патриархом Тихоном, который обещал на другой день после переворота во всех церквях устроить богослужение, где духовенство будет объяснять народу значение переворота и оправдывать действия союзников и белогвардейцев. В конце разговора Рейли от имени Локарта предло-

жил Берзину снять конспиративную квартиру и передал пакет, в котором находились 700.000 руб.

Следующее свидание Рейли с Берзиным состоялось уже на конспиративной квартире 19 августа в доме № 4 по Грибоедовскому пер. Рейли дал Берзину несколько поручений чисто-шпионского характера. Ему поручили узнать, правильно ли, что около ст. Рогожской стоят 9 батарей пятидюймовых орудий и 2 батареи восьмидюймовых орудий английской конструкции; узнать, действительно ли на ст. Митьково Каз. ж. д. находится несколько вагонов золота и кредитных билетов, охраняемых 700 латышами; на случай переворота принять меры, чтобы это золото не увезли; связаться с Ленинградской (тогда еще Петроградской) колонией латышей; найти латышей, которые взяли бы на себя составление, напечатание и распространение среди латышских частей прокламаций.

21 августа Рейли снова пришел к Берзину на конспиративную квартиру и стал спрашивать, как идет работа. Берзин ответил, что работа идет успешно, что он видел командира 1 Латышского стрелкового полка и передал ему 400.000 руб. для ведения агитации в этом полку и что на-днях приезжает командир 5 стрелкового полка, которому он, Берзин, хочет передать крупную сумму денег. Рейли обещал прислать Берзину на следующий день 400.000 руб. и сообщил ему, что английские агенты берут средства у богатых русских людей взамен на чеки. Рейли принес Берзину из 400.000 только 200.000, обещав через несколько дней доставить еще 1.000.000 руб. 27 августа он принес 300.000 и настойчиво просил, чтобы Берзин направился в Ленинград. Берзину был дан Ленинградский адрес: Торговая ул., д. 10, 2-й подъезд, кв. 10, спросить Елену Михайловну от господина Массино (под такой фамилией его, Рейли, знают).

Приехав в Ленинград, Берзин отправился по этому адресу. Елены Михайловны не оказалось дома, и Берзин был допущен в квартиру. В тот же день Берзин встретил в Ленинграде Рейли и просил его, чтобы Рейли познакомил его с Ленинградской организацией. Но Рейли этого не сделал. Одновременно с этими поступающими от Берзина сведениями, ВЧК узнала, что у американского генерального консула 25 августа состоялось совещание, на котором присутствовал французский генерал-консул Гренар, представитель английского посольства Локарт, американский

генерал-консул и несколько др. английских, французских и американских офицеров и что на этом совещании обсуждался вопрос о том, чтобы после отъезда представителей Антанты из России оставить трех агентов для руководства шпионской контр-революционной организацией. Далее ВЧК узнала, что на этом совещании был представлен план моста через Волхов, и что готовятся взорвать этот мост. На этом же совещании французские офицеры говорили о взрыве моста через Званки.

Эти оба моста имели чрезвычайно серьезное значение, ибо взрыв этих мостов, отрезав Ленинград от снабжения продовольствием, обрекал бы его на голодную смерть или капитуляцию перед союзниками. Но дело разведки еще далеко не было доведено до конца. От агентов Локарта поступали все новые сведения. Предстояла еще работа по раскрытию шпионской организации, пустившей глубокие корни как среди настроенного против Советской власти офицерства, так и среди советских служащих. Этой работе помешал белый террор. 30 августа в Ленинграде был убит тов. Урицкий, вечером того же дня было покушение на тов. Ленина. В Ленинграде начались широкие массовые аресты, начался красный террор, во время которого были арестованы белогвардейцы из агентов Локарта. Нужно было приступить к ликвидации этого заговора в Москве. Повторяю, предварительная работа по раскрытию этого заговора еще далеко не была доведена до конца. При продолжении работ в начатом направлении открылись бы все новые и новые данные, пролетариат увидел бы, как Локарт, пользуясь правом экстерриториальности, организовывал поджоги, восстания, готовил взрывы мостов, что обрекало бы на голодную смерть миллионное население Ленинграда, бросал деньги направо и налево, чтобы дезорганизовать Советское строительство, и не стеснялся никакими средствами: ни подкупами, ни клеветой, ни интригами. Но после ленинградских событий, повторяю, необходимо было немедленно производить аресты.

Прежде всего был произведен обыск по адресу Рейли (Шереметьевский пер., 3, кв. 85), обнаруженному Берзиным в квартире Бозожевской в Ленинграде. В этой квартире были арестованы артистки Художественного театра Ошен и Мария Фриде, последняя пришла в засаду, и у нее находились сводки шпионского характера: донесения о поездках шпиона в Тулу, Орел, Воронеж и т. д.

В сводках подробно было изложено расположение и настроение войсковых частей, настроение населения упомянутых городов, движение грузов и т. д. В этих же сводках была масса клеветы. Например, были сведения, что германские войска свободно прогуливаются в формах и погонах в вышеупомянутых городах. Дальше, когда был произведен обыск на квартире у Фриде, то, как только появился комиссар ВЧК, мать Фриде выбежала с каким-то свертком в уборную. Сверток этот у нее взяли, и в нем оказался материал явно шпионского характера. Оказывается, что эти материалы принадлежали брату арестованной Фриде. В связи с этими арестами и обысками была обнаружена масса материалов шпионского характера, которые показали, что американские, английские и французские посольства развили в России широкую шпионскую сеть. Было арестовано около 30 человек, но, за исключением брата и сестры Фриде и еще нескольких лиц, против которых были все данные, обвиняющие их в шпионаже, против остальных арестованных прямых улик не было. Трех главных виновников, которых иностранные посольства наметили оставить в России и руководить шпионской работой после своего отъезда за границу: Рейли, Вертомона и Кальматьяно — поймать не удалось. Так что нить оборвалась, главным образом, благодаря арестам, происходившим в Ленинграде и не давшим возможность раскрыть организацию полностью. Но в это время наши международные взаимоотношения осложнились: мы снова арестовали Локарта, ибо англичане арестовали тов. Литвинова и ряд наших товарищей за границей. Мы также собирались арестовать Пуля, Гренара Лаверня и др. Но эти господа поспешили удрать в Норвежское посольство, мы не могли перейти порога экстерриториальности Норвежского посольства и забрать засевших там заговорщиков. Однако мы окружили посольство своими агентами и окружили его так, что в течение недели или полутора заговорщики-послы и другие не могли оттуда выйти. Они сидели в «бесте», а Наркоминдел вел переговоры об обмене этих господ на наших товарищей-коммунистов, которые находились в то время в тюрьмах союзников. Как раз в это время в Норвежское консульство собирался пройти Сергей Николаевич Серпуховский. Мы знали, что настоящая фамилия Серпуховского — Кальматьяно, что под фамилией Серпуховского Кальматьяно уехал на восточный фронт для того, чтобы пробраться к чехо-словакам и что доку-

менты на это фальшивое имя были ему выданы Фриде, который работал в Главном Управлении военных сообщений. У Кальматьяно ничего не нашли. Ни личный обыск, ни обыск в его квартире не дали абсолютно никаких материалов, которые помогли бы раскрыть заговор. Но помню как-то поздно ночью мне позвонили на квартиру ныне убитый эстонским правительством тов. Кенгиссеп и просил, чтобы я немедленно приехал в ВЧК. Я застал тов. Кенгиссеп и Кальматьяно в беседе. Тов. Кенгиссеп уговаривал Кальматьяно сознаться. Тот не хотел. Мы с Кенгиссепом обратили внимание на палку Кальматьяно (это была толстая палка), начали ее осматривать и, в конце концов, открыли эту палку и нашли ее в середине пустой и в ней массу всяких записок, шифровок и расписок о получении денег.

Тут Кальматьяно увидел, что он провалился и провалился окончательно. Стоял только вопрос, какие фамилии скрываются под номерами, которые находились на расписках о получении денег. Таких номеров было до тридцати. Денег эти «номера» получали от 600 до 1.000 руб. Между прочим 1.000 руб. получил один лишь Фриде, который и являлся как бы организатором этого дела; у него же находился фонд в 50.000 руб. Но Кальматьяно, в конце концов, стал сам расшифровывать эти фамилии и оказалось, они почти все сидели у нас, за исключением немногих, которые находились в других городах, куда немедленно было дано распоряжение об их аресте. Кроме этих расшифровок документов и фамилий шпионов, которые скрывались под номерами, понемногу Кальматьяно расшифровал также и условные слова, служившие для передачи шпионских телеграмм, как, например, австрийские мадьяры — металлургическая промышленность, австрийские славяне — продовольственное положение, германцы — сахарная промышленность, германские войска — сахарные заводы, немецкие войска — количество пудов сахара, патоки, конфет, цена их и т. д.

Найденные документы Кальматьяно и его показания дали возможность арестовать еще массу новых лиц, раскрыть эту организацию почти полностью, предать их суду Революционного Трибунала, а также и выяснить задачи этой организации. Из найденных документов было ясно, что представители империалистических государств действовали, как заговорщики-бандиты, не останавливаясь ни перед какими средствами. Из документов вы-

яснилось, как иностранные представители организовывали поджоги продовольственных складов, порчу железных дорог, — словом, все, чем только можно было вредить Советской власти, было пущено в ход. С одной стороны, наступление десантов иностранных войск, с другой — разложение, взрывы, поджоги и убийства должны были свергнуть Советскую власть. Эта работа была до того возмутительна, что ее не выдержал бывший редактор «Фигаро» — Рене Маршан, который написал длинное письмо на имя Пуанкаре и в этом письме указывал на всю предательскую работу представителей иностранных миссий в России. Этот наивный человек думал, что Пуанкаре не знает, что делают его представители в России, в своей наивности он не понял того, что все поджоги, подрывы, — все это делается под непосредственным руководством Пуанкаре и Ллойд-Джорджа. Его письмо было найдено случайно при обыске и было приобщено к делу, оно послужило чрезвычайно интересным материалом для раскрытия всей подлости работы иностранных бандитов в России.

Дело Локарта чрезвычайно интересно. О нем имеется богатейший материал, но в мою задачу не входит широкое описание заговора со всеми документами. По каждому заговору надо написать отдельную книжку, ибо эти дела со всеми документами являются для истории революции чрезвычайно ценными. Я останавливаюсь только на личности самого Локарта. Я уже говорил, что Локарт после своего первого ареста был немедленно освобожден, но вместе с ним была арестована баронесса Бенкендорф, его любовница. И вот через несколько дней после освобождения Локарта он явился к заместителю народного комиссара иностранных дел тов. Карахану и сообщил ему, что он хочет поговорить со мной не как с официальным лицом, а как человек с человеком. Я изъявил согласие, и Локарт приехал ко мне в ВЧК. Войдя ко мне в кабинет, он был очень смущен, потом сообщил, что находится с баронессой Бенкендорф в интимных отношениях и просит ее освободить. Я об этой истории не рассказывал на суде, ибо это для карьеры Локарта могло бы явиться чрезвычайно опасным фактом, — баронесса Бенкендорф, по заявлению другого арестованного и по документам, найденным у князя П., во время империалистической войны являлась немецкой шпионкой. Я об этой истории не написал бы и сейчас, если бы

Локарт, по приезде в Англию, не вел самой бешеной кампании против Советской России и не наговорил бы столько лжи и столько клеветы о том, как его содержали и как с ним обходились. Локарт сидел в Кремле в 3 комнатах с хорошей обстановкой, кормили его очень хорошо. У меня сохранились его письма, где он с благодарностью пишет о своем содержании, о том, что ему не на что жаловаться, в то время как наши товарищи, которые сидели в английских тюрьмах (тов. Литвинов, Чичерин и др.) в подобных условиях не сидели и не могли о них мечтать. Баронесса Бенкендорф, по просьбе Локарта, была освобождена.

Дело Локарта особенно интересно сейчас, когда нам предъявляют счета за «убытки», понесенные английскими гражданами во время революции.

5. Ранение Владимира Ильича и убийство тов. Урицкого.

5-й момент совпал с делом Локарта и по правде повредил ликвидации дела Локарта: не будь убийства Урицкого — не поехал бы тов. Дзержинский в Ленинград, не будь арестов в Ленинграде — нам удалось бы дело Локарта разобрать до конца и раскрыть его в полном объеме. Но 30 августа утром тов. Ленин позвонил по телефону в президиум ВЧК, сообщил, что убит тов. Урицкий и предложил тов. Дзержинскому немедленно выехать в Ленинград для принятия мер против белого террора. В этот день Московский Комитет организовал широкие митинги по всей Москве. Такие митинги происходили в 1918 году каждую неделю. Обыкновенно при опубликовании списка этих митингов публиковали фамилии товарищей, которые будут выступать. Фамилии Ильича не опубликовывалось, но Владимир Ильич почти всегда выступал в эти дни то на одном, то на другом митинге, неся обязанность члена партии, как любой ответственный работник.

Мы знали, что на Владимира Ильича готовится покушение. Эти сведения попадали в ВЧК и неоднократно подтверждались. Были приняты все меры для охраны Владимира Ильича, но его было чрезвычайно трудно охранять, во-первых, потому, что он никак не допускал себя изолировать. Он не только ездил на фабрики и заводы на митинги, но в 1918 году посещал товарищей на квартире, в советских домах. Хотя было ясно, что его

караулят из-за каждого угла, что ни Савинков, ни правые эсеры, ни представители иностранных держав и никто из контрреволюционных бандитов его не пощадит, если только будет возможность его убить, тем не менее нельзя было добиться, чтобы он отнесся более осторожно и более внимательно к своим выездам. С другой стороны, он никак не соглашался ездить с охраной. Охрана его была составлена тов. Беленьким из ВЧК. Сделали все, чтобы его охранять, но он вечно удирал от этой охраны. Он умел войти незамеченным, сесть и уехать.

Уже долго спустя после того, как он был ранен и выздоровел, зная, что его готовы убить, что враг оценил его значение для революции, он сел в автомобиль, — не то с Надеждой Константиновной ¹⁾, не то с Марией Ильиничной, — и поехал в город без всякой охраны. Это было уже зимой в 1918 г. И помню его звонок по телефону (я долго не мог понять, кто звонит, ибо звонили по городскому телефону): он сообщил, что находится в одном районном совете, что его только что высадили бандиты из автомобиля и просил, чтобы ему выслали машину: бандитов потом поймали. Это были самые отъявленные бандиты во главе с Кошельковым, давно уже известные ВЧК. Им предъявили прямой вопрос: «Вы не узнали Ленина?». Они ответили: «Да, мы не узнали, мы взяли его документы и вместо «Ленина» прочли Ильин».

Почему Владимир Ильич рисковал? По-моему потому, что он не мог жить без общения с широкими массами, без того, чтобы не видеть и не слышать, что происходит среди широких масс, чем они дышат, чем живут, — и только это обстоятельство заставляло его разрывать всякие ограды охраны.

В тот же вечер 30 августа мне позвонили в президиум ВЧК из районного Совета и сообщили, что Владимир Ильич тяжело ранен и что задержана какая-то женщина, стрелявшая в Владимира Ильича. Я тут же направил группу товарищей из ВЧК, во главе с тов. Беленьким. Через некоторое время они привезли в ВЧК женщину лет 30, которая оказалась Каплан, стрелявшей во Владимира Ильича. В это время в ВЧК

¹⁾ Владимир Ильич ехал с Марией Ильиничной в Сокольники, где в то время жила в «Лесной школе» Надежда Константиновна. После нападения, получив другой автомобиль, Владимир Ильич все-таки поехал в «Лесную школу» и присутствовал на детской елке. *Прим. А. И. Елизаровой.*

приехали товарищи — Курский, Свердлов и Аванесов, и началось выяснение. Кругом было страшное возмущение, — я помню, приезжали товарищи, чрезвычайно возмущенные этим событием. Тов. Курский начал допрашивать Каплан, но она в своем первом показании дала чрезвычайно мало. Потом, когда тов. Курский ушел, уже поздно ночью, я снова начал допрашивать Каплан, и тут она стала давать кое-какие сведения о себе, откуда она приехала. Было установлено, что фамилия, которую она дала, является неправильной, но она отказалась назвать свою настоящую фамилию. Только на второй или третий день удалось установить, что она бывшая анархистка, арестованная еще молодой девушкой после взрыва в Киеве, потом попала на каторгу и сидела вместе со Спиридоновой, и там, на каторге, превратилась в эсерку, что ее настоящее имя — Фанни Каплан. Ночью, когда я ее допрашивал, она стала говорить больше. Я долго ей доказывал, что преступление, которое она совершила перед рабочими, перед трудящимися вообще, перед революцией, чрезвычайно тяжелое, и мы с ней долго спорили по этому вопросу. В конце концов, она заплакала, и я до сих пор не могу понять, что означали эти слезы: или она действительно поняла, что она совершила самое тяжелое преступление против революции, какое только можно было совершить, или это были просто утомленные нервы. Дальше Каплан ничего не говорила о своих соучастниках в покушении.

Необходимо сказать несколько слов о красном терроре, который начался сейчас же после покушения на Владимира Ильича и убийства Урицкого. Буржуазная печать всего мира была страшно возмущена этим террором, раздувала цифры, писала, будто после ранения Ильича расстреляно несколько десятков тысяч человек. Но я должен категорически заявить, что этот террор был самым глубоким возмущением не столько руководящей верхушки, стоявшей во главе советских органов, сколько возмущением широких трудящихся масс. Я помню характерную телеграмму о том, что собрание стольких-то тысяч рабочих, обсудив вопрос о покушении на Владимира Ильича, постановило расстрелять 10 буржуев. Это массовое возмущение действовало на органы ЧК, на местные исполкомы, на весь руководящий местный аппарат, и красный террор начался без директив центра, без всяких указаний из Москвы. Масса сама оценила контр-рево-

люцию, оценила своего любимого вождя и мстила за покушение на его жизнь. Необходимо еще отметить, что этот красный террор не расправлялся с кем попало: расстрелянные были изными белогвардейцами, царскими палачами, которые сидели в тюрьмах. Я помню расстрелянных в Москве в дни красного террора после покушения на Владимира Ильича: в числе расстрелянных был Белецкий, многие из царских министров и целый ряд других высоких сановников, которые спокойно сидели бы в тюрьме и может быть просидели бы еще очень долго, если бы не белый террор, если бы не десанты Антанты, если бы не работы Локартов, Гренаров и др. То же самое касается и количества. Количество расстрелянных чрезвычайно преувеличено. Наибольшая цифра падает на Ленинград. В общем и целом же цифра расстрелянных никоим образом не превышает 600 человек.

Вот основные моменты, характеризующие работу ВЧК в 1917—1918 г.г. В один год — два крупнейших заговора и восстание левых эс-эров, при общем количестве сотрудников ВЧК, не доходившем до 500 человек. Работа чрезвычайно напряженная, интенсивная, когда сотрудники не знали ни часов работы, ни отдыха. Но осенью 1918 г., после расправы по делу Локарта, после расправы за покушение на Владимира Ильича, внутри страны наступило относительное спокойствие. Все внимание контр-революционных сил опять было обращено на открытые фронты, где при помощи десантов выступали Колчак, Деникин, Юденич и др. белогвардейские генералы. Повторяю, внутри страны наступило как будто бы успокоение и начались нападки некоторых товарищей, доказывавших ненужность ВЧК, как органа расправы, настаивавших на судебной, гласной расправе и т. д. ВЧК пришлось вынести немало нападков и в печати, и на партийных собраниях, и в ряде совещаний. Мне не хочется затрогивать весь этот вопрос, цитировать выдержки из статей тов. Крыленко и ряда других товарищей по этому вопросу, но жизнь показала, что правы были ВЧК и ЦК нашей партии, который в этой борьбе занял твердую линию сохранения органа ВЧК, как органа расправы. Дальнейшая борьба показала, что враги еще раз и еще раз организовались для нанесения удара изнутри, что приходилось расправляться гораздо более свирепо, чем в 1918 г.

Петерс.

Октябрьская революция.

I.

Во время лекции в цирке «Модерн» 20 октября я сильно простудился и слег в постель. «Поздравляю, революция началась! Зимний дворец взят и весь Петроград в наших руках», — возвестил мне утром 26 октября один из товарищей, входя в мою комнату. Я тотчас вскочил на ноги, мысленно послал к чорту лечение и с чувством физического недомогания, с повышенной температурой, устремился в Смольный. Главный Штаб пролетарской революции был многолюден, как никогда. Несмотря на упоение первыми победами, все участники Октябрьского переворота живо чувствовали, что революция еще только начинается, и предстоит тяжелая борьба. Керенский бежал на фронт — ясно, что он не успокоится и постарается мобилизовать полки, оторванные от бурного кипения всей остальной революционной России. Наконец, можно было ожидать белогвардейской попытки восстания изнутри. Поэтому всем революционерам, способным владеть оружием, приходилось готовить патроны. Этими боевыми приготовлениями больше всего и были озабочены толпы рабочих и солдатских представителей, наводнявших Смольный.

Весь Смольный был превращен в боевой лагерь. Снаружи, у колоннады — пушки, стоящие на позициях. Возле них пулеметы. Пулемет внутри, с дулом, направленным в проходную дверь. Почти на каждой площадке все те же Максимы, похожие на игрушечные пушки. И по всем коридорам — не тот ищущий, надоедливый, плетущийся шаг просителей, к которому привыкли стены Смольного, а быстрая, громкая, веселая поступь солдат и рабочих, матросов и агитаторов. Волны революционного прибое вливались в широкое устье под'езда, дробились по этажам, разбегались направо и налево по огромным прямым коридорам, рас-